

Г. П. Выжлецов

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ДОСТОЕВСКОГО

В жизни духа – сущность нашей эпохи.

Н. А. Бердяев

Человек есть тайна. Ее нужно разгадать... Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком.

Ф. М. Достоевский

Принципиальное отличие современной философии от всей предшествующей заключается в том, что начиная с XX в. она впервые оказалась в своей родной стихии – в сфере духа, и ей не нужно уже, как прежде, маскироваться под теологию, науку или идеологию, чтобы быть актуальной и современной. Она может теперь заняться разработкой самых тонких механизмов развития и проявления человеческой духовности. Ибо собственная природа человека включает в себя единство тела, души и духа, выходя тем самым в сферу трансцендентного. Человек, говоря словами М. Шелера, есть место встречи бытия с Богом, но он не просто посредник между двумя мирами: тварным и божественным, земным и трансцендентным, бренным и вечным, он существует в обоих этих мирах одновременно. Будучи телесно пленником Земли, духовно человек принадлежит всей Вселенной, точнее, бесконечной вселенской жизни с порожденным и постоянно порождаемым ею неисчерпаемым духовно-энергетическим потенциалом, кратко называемым Духом. В человеке соединены три сокровенные тайны бытия: Жизнь, Сознание (сверхжизнь), Дух (сверхсознание); последний и проявляется в человеческой жизни и культуре в виде общечеловеческих и духовных ценностей. В этом смысле цен-

ность есть истина духа как внутренняя основа и ядро культуры, в которой только человек становится и остается человеком в подлинном значении этого слова.

Наиболее адекватным, можно сказать, специальным средством фиксации, хранения и передачи последующим поколениям в живом, органичном и концентрированном виде общечеловеческих и духовных ценностей является искусство, и прежде всего изначально родственное философии искусство слова. Однако только с рубежа XIX–XX вв. важнейшей особенностью философии становится то, что ее смысложизненное содержание столь же адекватно может быть раскрыто и в художественно-образной форме. Наиболее полно и решительно этот поворот осуществлен в творчестве Достоевского, который не просто объединил, но и переосмыслил по-новому экзистенциально-феноменологическую и трансцендентально-абсолютистскую линии в философии на основе традиционного для русской мысли антропологизма, раскрытого через духовно-ценностное содержание. Но, в отличие от Гете, Шиллера, Л. Толстого, Сартра или Камю, Достоевский не писал специальных философских трактатов. Поэтому среди бесчисленных работ, посвященных Достоевскому, не так уж много попыток рассмотрения его собственных философских взглядов, хотя на Западе, например, он воспринимался долгое время именно как философ¹.

Эти попытки относятся, в основном, лишь к началу XX в. и принадлежат прежде всего русским мыслителям, но посвящены всякий раз, как правило, одной из сторон философии Достоевского, наиболее близкой данному автору, что видно уже по их названиям². И только в 1950 г. в Германии появляется первое систематическое и наиболее полное исследование философии Достоевского, принадлежащее современному немецкому историку философии Р. Лауту³.

¹ См.: Дудкин В.В. Достоевский – Ницше (Проблема человека). – Петрозаводск, 1994. С. 10.

² Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский (1901–1902); Мережковский Д.С. Пророк русской революции (1906); Шестов Л. Достоевский и Ницше (1902); Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского (1923); Иванов В. Достоевский. Трагедия – Миф – Мистика (1932); Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание (1946).

³ Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. – М., 1996.

Специальные разделы посвящены Достоевскому-философу и в учебных, справочно-энциклопедических, историко-философских изданиях, отечественных и зарубежных. Их анализ позволяет сделать вывод о нарастающем с течением времени понимании специалистами непреходящей значимости философских прозрений русского мыслителя.

Во-первых, он был предшественником, вдохновителем и идеологом духовного возрождения, названного «серебряным веком» русской культуры, и прежде всего, конечно, русской религиозной философии рубежа XIX–XX вв. В этом качестве, во-вторых, Достоевский существенно повлиял на развитие целого ряда ведущих направлений философии XX в., особенно философии жизни, экзистенциализма, персонализма, современного переосмысления фрейдизма, стоял у истоков философской антропологии. Только в XX в., в-третьих, находит все большее подтверждение и развитие вечное содержание его идей. В творчестве Достоевского, в-четвертых, воплощены все основные особенности и противоречия русского духа. «От европейничанья Петровской эпохи к русской и европейской человечности Пушкина и далее к русской и мировой всечеловечности Достоевского – таков путь русской культуры»¹.

Общепризнанная сложность изучения философии Достоевского состоит именно в том, что ее содержание целиком и полностью заключено в его художественном творчестве. Поэтому все попытки выделить из художественного контекста и отдельно рассмотреть те или иные его идеи, непосредственно соотнести их с известными философскими школами и концепциями, а тем более с социально-политическими и идеологическими течениями приводят лишь к поверхностным и односторонним характеристикам типа «христианского натурализма», «почвенничества», «религиозного народничества», «неославянофильства» или «славянофильско-почвенной и православной идеологии» (Н. А. Бердяев). Все эти определения не имеют прямого отношения к реальному содержанию и методу философии Достоевского, которая органично вплетена в художественно-образную ткань его произведений.

¹ *Левицкий С.А. Достоевский // Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – М., 1996. С. 136.*

Р. Лаут, поставив перед собой задачу показать философское мировоззрение Достоевского в его внутренних, систематических связях и понять его «вековечную всеобщую философию», отмечает, что в своем творчестве он далеко «вышел за пределы западнического и славянофильского движения... переступил границы европейского социализма и идеализма... Он... является первооткрывателем политического мифа; он открыватель понятия о сверхчеловеке; он независимо и вне влияния Кьеркегора обрисовал “безосновный страх” экзистенциализма и преодолел его. Все эти конструкции служили для него ступенями к единственной цели – достижению метафизической свободы»¹.

В первый период своего творчества Достоевский представил публике социально-психологические произведения в духе «натуральной школы» 1840-х гг. – от повести «Бедные люди» (1845) до первого своего большого, во многом уже переходного романа «Униженные и оскорбленные» (1861). Во второй период, начиная с «Записок из подполья» (1864), он создал принципиально новый, «полифонический» (М. М. Бахтин) философский роман. В нем реализован и новый философско-художественный метод «внутреннего продуктивного воображения» (Р. Лаут) для раскрытия сокровенных глубин самой природы человека, что возможно только путем «проникновения», по определению самого же Достоевского, во внутреннюю жизнь человеческого духа. Поэтому, как отмечает Р. Лаут, «взор Достоевского направлен исключительно на духовное бытие. Внешний мир и природа толкуются им с точки зрения духовности»². Его творчество в этот период не просто сосредоточено «вокруг вопросов философии духа», как писал В. В. Зеньковский³, а по сути и содержанию своему является именно *духовно-ценностной философией*. Эта формула наиболее точно и адекватно характеризует философию Достоевского в целом, все иные определения типа «философии трагедии» (Л. Шестов) уже следуют из нее и являются частными. Своей философией духа Достоевский раздвинул границы метафизического опыта всей предшествующей философии, предвосхи-

¹ Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. – С. 15, 38.

² Там же. С. 23.

³ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. – Л., 1991. С. 220.

тив многие ключевые проблемы уже нового рубежа веков. Главной из них на рубеже XX–XXI вв. стала проблема человека, как она была поставлена и раскрыта Достоевским.

Естественно, что Достоевского заботила не сама по себе философия, а вековая тайна человека. Эта пожизненная цель была сформулирована юным писателем еще в 1839 г. после смерти отца, убитого собственными крестьянами, и первого приступа эпилепсии. Разгадка этой тайны, по Достоевскому, во внутреннем мире человека, поставленного на грань бытия. До «Записок из подполья», по замечанию Н. А. Бердяева, писатель был еще психологом – гуманистом, страдающим «бедным людям», «униженным и оскорбленным», героям «мертвого дома». «С “Записок из подполья” начинается гениальная идейная диалектика Достоевского. Он уже не только психолог, он – метафизик, он исследует до глубины трагедию человеческого духа. Человек... берется не в плоскости измерений гуманизма, а в измерении глубины, во вновь раскрывающемся духовном мире»¹. Для этого он выводит своих героев на путь свободы, путь, который человек выбирает сам, следуя своей, целиком захватившей его идее. Идея у Достоевского не просто мысль, а сверхценность, своего рода душевная рана, пронзившая все существо человека от глубин подсознания до логики холодного рассудка. Следуя своевольно избранной идее, герои Достоевского оказываются за гранью нормального, обыденного существования, став в этом социоприродном мире своего рода тенью и символом своих душевных порывов. Поэтому их нельзя оценивать с обыденной точки зрения, с которой они выглядят явно ненормальными, в лучшем случае, странными людьми, действующими в полубреду и болезненном состоянии. Эти герои проходят по этапам свободы от романа к роману все круги ада душевных мук от угрызений совести до пропасти полного безверия и отчаяния, от анархического бунта «подпольного» человека против внешнего миропорядка и культа житейского благополучия до восстания против Бога Ивана Карамазова, углубляя душевные страдания до трагедии духовной бездны. Именно на этом пути и сделаны Достоевским его главные открытия и прозрения о человеке.

¹ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2 т. Т. 2. – М., 1991. С. 19–20.

Первое из них относится к содержанию, роли и месту иррационального в человеке. Дело не в том, что природа человека не может быть рационализирована до конца и всегда «остается иррациональный остаток», в котором «источник жизни», как писал Бердяев¹, – об этом знали и до Достоевского, противопоставляя разум неразумию, рассудок – безрассудству, сознательное – бессознательному. По Достоевскому же, само иррациональное включает в себя человеческое начало, т. е. не только тьму подсознания, но и *духовный свет сверхсознания*. И в этом принципиальное отличие Достоевского от Фрейда в отношении к проблеме бессознательного. Однако увидеть это можно лишь на путях беспредельной свободы, где весь секрет именно в беспредельности. Достоевский «поведет человека дальнейшими путями своеволия и бунта, чтобы открыть то, что в своеволии истребляется свобода, в бунте отрицается человек. Путь свободы ведет к человекобожеству, и на этом пути человек находит свой конец и свою гибель, или к Богочеловечеству, и на этом пути находит свое спасение и окончательное утверждение своего образа», поэтому «человек должен пройти через свободу»².

Испытание падением в бездну беспредельной свободы, где дозволено все, лишь перешагни невидимый барьер недозволенного в себе самом, начинается с внутреннего раздвоения героя «Записок из подполья». Этот первый шаг показывает, что иррациональное есть источник не просто жизни, а именно свободы, так как из него исходит таинственный зов своеволия, непреодолимого стремления «по своей глупой воле пожить», разрушив и покинув даже и хрустальный дворец земного благополучия; да и вообще, пусть хоть весь мир рухнет, лишь бы мне мой утренний стакан чаю выпить, как заявляет «подпольный» человек. Но пока только заявляет, оставаясь в своем внутреннем душевном подполье.

Следующий шаг на этом пути – соблазн «сверхчеловека» у героя «Преступления и наказания» (1866) Раскольникова, выходящего из своего подполья, чтобы покончить с мучительным двойничеством в себе и стать над этим миром, от-

¹ Там же. С. 36.

² Там же. С. 37.

ринув исходные нормы и законы человеческого общежития: «Мне надо узнать... смогу ли я переступить или не смогу!.. Тварь ли я дрожащая или право имею»¹. Реальное осуществление этого «права» оказалось не столь уж и трудным, но убив старуху-процентщицу и ее безвинную сестру, он тем самым убил себя духовно и в полной мере ощутил свое бессилие и ничтожество содеянного. Другой вариант «сверхчеловеческой» вседозволенности во имя высшей идеи показан в романе «Бесы» (1872), где его герой Петр Верховенский одним лишь фактом убийства Шатова превращает эту идею в свою противоположность, разрушающую саму природу человека. Для Ницше человек лишь почва и средство, мостик к сверхчеловеку, которого он никак не определяет, у Достоевского же на этом этапе – целая палитра человеческих духовных состояний от Версилова как «смягченного» Ставрогина (Бердяев) до Великого Инквизитора, посягнувшего на Христа и саму свободу.

Герои Достоевского в процессе свободного падения в бездну своеволия проходят разные этапы своего духовного перерождения, раскрывая самые потаенные извивы человеческой души, вплоть до исчезновения самого человеческого начала в человеке. Но если Гоголь, например, показал «прореху на человечестве» Плюшкина во внешней социальной среде как мертвую душу в мире мертвых вещей, то Смердяков – внешнее «я» Ивана Карамазова. Иван – дух и мысль, Смердяков – материя и действие; Иван подумал, Смердяков убил, и как исход невыносимого раздвоения личности – уход Ивана в бездну безумия, в царство чистого духа. Не забудем при этом, что восславляющая Христа «Легенда о Великом Инквизиторе» вложена в уста именно Ивана, нигилиста и атеиста, оказавшегося на последнем пределе человеческого духа, не вынесшего безмерности окончательного выбора. И если, например, в «Божественной комедии» Данте человек проходит все круги внешнего для него ада, то у Достоевского сам ад перемещен в человека. Весь мир борьбы добра и зла, Бога и дьявола – в самом человеке, в его теле, душе и духе, в его сердце и разуме, *в самой человеческой природе*. Не человек разрушается в устойчивом пока еще мире, как было в XIX в., а *мир распадается в са-*

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 6. – С. 322.

мом человеке, – вот принципиальная смена философских парадигм, увиденная Достоевским и реализованная XX веком.

В «Братьях Карамазовых», одной из «самых выдающихся книг всех времен и народов» (С. Моэм), сходятся все начала и концы всех этапов и уровней человеческой духовности, все нити философских идей и прозрений Достоевского. «Все эти Шатовы, Кирилловы, П. Верховенские, Ставрогини, Иваны Карамазовы появились уже в XX в. Во время самого Достоевского они были не реальной действительностью, а предвидением и пророчеством»¹. Поэтому практически все основные проблемы современной философии человека можно изучать по «Братьям Карамазовым», важно только увидеть в современном свете тот единственный выход из бездны распада самой человеческой природы, который предложен Достоевским: *путь к свету через испытание тьмой*.

Погружаясь в бездну человеческой природы, Фрейд застрял в преисподней природно-биологической агрессивности, Ницше остановился на полпути, натолкнувшись на «сверхчеловека», экзистенциалисты и сюрреалисты раздробили саму человеческую душу на части и оказались в тупике панпессимизма. Достоевский пошел до конца, и наградой ему стал блеснувший в этой бездне свет божественной духовности, определяющей и сохраняющей человеческое в человеке. Здесь второе и, пожалуй, главное откровение Достоевского о человеке. Не «тошнота» Сартра или «страхотоска» Хайдеггера, а свет любви как источника жизни и красоты, как главного условия любви, рождающийся в страдании, где только и происходит духовное освобождение человека.

Достоевского упрекают в том, что у него не получились положительные герои в лице князя Мышкина, старца Зосимы, Алеши Карамазова и самого Христа, который лишь молчанием противостоит Великому Инквизитору, из-за чего писатель стал певцом каких-то жалких, изломанных типов и «деклассированных» элементов. Здесь явная поверхностность восприятия и, по меньшей мере, непонимание самой сути творческого метода Достоевского, у которого вообще

¹ Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. – С. 143.

нет положительных и отрицательных героев в привычном литературоведческом смысле, как нет «больших» и «маленьких» людей, а есть лишь страдающие и потому непредсказуемые люди как «сгустки душевных порывов» (Р. Лаут) на разных этапах проявления своей духовной свободы. Так, Ганя Иволгин, о котором говорили, что он за три целковых до Васильевского доползет, вдруг на последнем пределе человеческого в себе отрекается от своей жизненной мечты в виде стотысячной пачки денег, пусть и в горящем камине, и, не выдержав, теряет сознание. Смердяков, осуществив мысленное преступление Ивана, задает своему ненавистному собрату очень точный вопрос о том, что если «все позволено», как «вы говорили», то «теперь-то почему так встревожены сами-то-с?». Неслучайна у Достоевского и ставшая уже расхожей фраза: «красота спасет мир». Почему именно красота? Да потому, что «красота важнее хлеба»¹, она бескорыстна по сути своей, и, по словам Степана Трофимовича из «Бесов», без красоты «прожить человечеству... невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете!»². Поэтому тезис о красоте, спасающей мир, верен в самом буквальном смысле слова именно сегодня, когда речь идет о спасении не просто жизни, а самой природы человека. Ибо лишь любовь и красота постоянно, ежедневно и ежечасно сохраняют в каждом из людей мир подлинной человечности, личного достоинства и духовной свободы.

Достоевский – русский мыслитель, и все его пророчества о судьбе России и самого русского духа сделаны на основе неведомого прежде эксперимента над душой русского человека, носителя этого духа, чем он и интересен остальному миру: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное... Мы... утверждаем, что вмещать и носить в себе силу любящего и всеединящего духа можно и при теперешней экономической нищете нашей... даже и при такой нищете, какая была после нашествия Батыева или после погрома Смутного времени, когда единственно всеединящим духом народным была спасена Россия»³ и ее государственность. Разница лишь в том, что в XIV–XVI вв. идеология становящегося государства имела духовную

¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 11. – С. 233.

² Там же. Т. 10. – С. 373.

³ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя: Избранные страницы. – М., 1989.

основу, сегодня же российской государственной идеологии нет вообще, а то, что выдается за нее, есть все та же гримаса политического беспредела, похоти власти и наживы. Поэтому вновь остается уповать лишь на беспредельную силу народного духа, о которой, по Достоевскому, нужно судить только по тем высотам, на которые он способен подняться, сохраняя себя и саму природу человека.